

УДК 82.09-31

DOI 10.17223/19986645/36/7

В.А. Берсенева, А.С. Янушкевич

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДТЕКСТ КОНЦЕПТА ДОМИКА В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ГРОБОВЩИК»

Статья посвящена проблеме философского содержания одной из «Повестей Белкина» – повести «Гробовщик». Созданная в период Болдинской осени, один из переломных моментов пушкинской жизненной и творческой судьбы, это произведение занимает особое место и в цикле «Повестей Белкина», и в контексте Болдинской осени, и в общей системе пушкинского творчества 1830-х гг., и в истории русской словесной культуры. Концепт домика является своеобразным репрезентантом творческих поисков поэта. Его потенциал, связанный с проблемами жизни и смерти, пробуждения сознания маленького человека, внутренней свободы, приобретает житнетворческий и миромоделирующий смысл. Выявление философского потенциала этого концепта на материале творческой истории повести, ее содержания, образа центрального героя, восприятия этого произведения – в центре предлагаемой статьи. В научный оборот вводится не привлекавшая специального внимания исследователей повесть «Домик на Никитской».

Ключевые слова: повесть А.С. Пушкина «Гробовщик», концепт домика, философский подтекст концепта, полемика вокруг повести и ее отражение в «Домике на Никитской» М.П. Погодина.

1

Замечательный русский философ Семен Франк, говоря о компонентах религиозного сознания Пушкина, последовательно акцентировал мотивный комплекс, связанный с религиозным духом его поэзии. Одним из оригинальных мотивов в духовном мире поэта он считал связанный с религиозным восприятием «духовной сосредоточенности и уединения» и «культуром “домашнего очага”» мотив «пенатов». Это античное миромоделирующее понятие он рассматривает на материале стихотворений «Разлука», «Домовому», «Воспоминания в Царском Селе», «Вновь я посетил...», «Миг вожделенный настал...», «Два чувства дивно близки нам...», последовательно раскрывая процесс обретения духовной свободы, «самостояния» человека и поэта [1. С. 392–394].

Генезис антропологизации этого образа античной культуры, его введения в мир поэтического творчества восходит к стихотворению Батюшкова «Мои Пенаты» (1811–1812). Уже первые стихи этого послания, обращенного к собратьям-поэтам, Жуковскому и Вяземскому, выявляют этот подтекст.

Отчески Пенаты,
О пестуны мои! [2. Т. 1. С. 207] –

за этим эмоциональным зачином обозначается общий смысл «моих пенатов» как житнетворческой модели бытия. Образы «отческих богов», «доброго

Гения», «поэзии святой», «небесного вдохновенья», «крылатых дум», Муз, Граций, великих поэтов прошлого и настоящего формируют особое пространство «хижины убогой» как особого мира поэта.

Это послание и позиция Батюшкова не могли пройти мимо внимания юного Пушкина. Однако постепенно в творческом сознании Пушкина этот восходящий к Античности образ-мотив обретает новое содержание и окраску. В своих «Заметках на полях 2-й части “Опытов в стихах и прозе” К.Н. Батюшкова», давая в целом высокую оценку «Моим Пенатам», Пушкин писал: «Главный порок в сем прелестном послании – есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни» [3. Т. 7. С. 580]. Уже в стихотворении «Городок» Пушкин пытается его «приватизировать» за счет введения в сферу локального петербургско-сельского текста и творческой лаборатории. «Отечески пенаты» последовательно вписываются в пространство Царского Села, Михайловского, Болдино, где «русский дух и Русью пахнет». Этот процесс приводит к одомашниванию античного образа. Дом, а затем и домик органично входят в семиосферу пушкинского художественного мира, формируя его концептосферу.

В русской литературе концепт дома – один из самых распространенных и полисемантических. Это связано с тем, что для каждого человека дом – это наиболее осмысленное, родное и защищенное пространство, противопоставленное «чужому» миру. Ю.М. Лотман отмечал, что «<...> каждый существенный культурный объект, как правило, выступает в двух обликах: в своей прямой функции, обслуживая определенный круг конкретных общественных потребностей, и в «метафорической», когда признаки его переносятся на широкий круг социальных фактов, моделью которых он становится» [4. С. 377]. Следуя обозначенной установке, дом как культурный объект можно понимать и как место обитания, и как «миромоделирующий фундамент» для постижения внешнего мира и одновременно отгораживания от него.

В пушкинском творчестве образ дома имеет особое значение. Как справедливо замечено: «В поэзии Пушкина второй половины 1820–1830-х гг. тема дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и “самостояньи человека”» [5. С. 314]. Большую часть жизни Пушкин провел в скитаниях, вынужденных или добровольных, и у него никогда не было своего дома. Даже будучи уже семейным человеком, он был вынужден жить в съемной квартире. В пушкинской лирике мы не случайно не находим гимнов отчужденному дому. Надо полагать, это связано с тем, что отношения Пушкина с родителями всегда были довольно сложными: постоянной поддержки, ни финансовой, ни моральной, он от них не получал. Все трудности и радости жизни Пушкин делил со своими друзьями, самыми близкими из которых были собратья-лицейсты. Думается, что когда смерть начала постепенно разрушать этот «защитный круг», потребность в доме как личном защитном пространстве стала для Пушкина жизненно необходимой. Не случайно память о дяде Пушкина, Василии Львовиче, как уже было отмечено исследователями, отразилась на рисунках к повести «Гробовщик», являясь отражением внутренней «связи творческой истории с этими недавними событиями» [6. С. 158].

Гармония домашнего пространства у Пушкина всегда связана с образом женщины: он был очень избирателен в выборе спутницы жизни. Предпочтя первую красавицу Петербурга, Наталью Николаевну Гончарову, Пушкин более двух лет уговаривал будущую тещу дать согласие на брак. Сам он отнюдь не был уверен в положительном ответе, о чем, в частности, говорит сквозной мотив «недоступного счастья» в письмах конца 1820-х – начала 1830-х гг. «Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. <...> Чёрт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан» [3. Т. 10. С. 304], – пишет он П.А. Плетневу 31 августа 1830 г. В разгар душевных терзаний и житейских неурядиц Пушкин оказался в селе Болдино, результаты пребывания в котором известны всему читающему миру.

Исследователи отмечают, что повесть «Гробовщик» по сравнению с другими «Повестями Белкина» насыщена автобиографическими реалиями. Соппадают инициалы Адриана Прохорова и Александра Пушкина¹, и топонимические реалии: Басманная, Разгуляй, Никитская, церковь Вознесения – московские топосы, имеющие к жизни поэта непосредственное отношение. В художественном мире «Гробовщика» названия улиц – подсказка для понимания действий Прохорова, в частности мотива переезда из дома на Басманной в домик на Никитской. Название улицы – «Басманная» – происходит от слова «басман», что значит «казенный хлеб». Как пишет А.А. Мартынов, «тут была Басманная (хлебная) слобода и Старый Житный двор <...> здесь же в слободе, по всему вероятно, жили Басманники, то есть дворцовые пекаря, хлебники» [7. С. 17–18]. Переезд Адриана Прохорова из типичного района ремесленников в иной мир – важный момент его жизнестроительства.

Действия гробовщика можно отчасти понять в их соотношении с картиной пушкинской жизни. На Басманной находился дом Василия Львовича Пушкина, умершего накануне поездки племянника в Болдино. Эта смерть стала неожиданным потрясением для поэта. И в этом смысле переезд гробовщика с Басманной улицы приобретает символический подтекст, связанный с утверждением жизнестроительной концепции. С другой стороны, новый домик на Никитской «давно соблазнял воображение гробовщика», что говорит о переезде как о запланированном событии. Это также объясняется при обращении к биографическому контексту. «Никитской» (ранее – «Вознесенской») до начала XIX в. называлась Большая Никитская улица, на углу которой была расположена деревянная усадьба Гончаровых, родства с которыми добивался Пушкин. В «Гробовщике» улицы Басманная и Никитская становятся двумя символическими полюсами старой и новой жизни, между которыми во сне и наяву мечется Адриан Прохоров. С одной стороны, он добровольно переезжает в домик, купленный «за порядочную сумму». С другой – во сне как отображении мыслей и подсознательных стремлений сбывается еще одна давняя мечта гробовщика – организация похорон богатой купчихи Трюхиной. Разъезды от дома Трюхиной на Разгуляе (площадь на Басманной) до домика на Никитской, туда и обратно, говорят о мучительном выборе между старой жизнью ремесленника и новой – семьянина. Думается, что это дилемма не

¹ Это сближение могло быть более полным, если бы автор оставил первоначально задуманное для Адриана отчество – «Симеонович».

столько Прохорова, сколько самого Пушкина, который, сознавая масштаб желанных перемен, сомневался в их возможном осуществлении: «<...> Я жёнюсь, то есть жертвую своей независимостью, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством. <...> Я никогда не хлопотал о счастье, казалось, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его» [3. Т. 6. С. 388].

Исследователи неоднократно отмечали «семантическую намагниченность» (В.В. Виноградов) каждого слова Пушкина, пристальное внимание к малейшим смысловым оттенкам. Повесть «Гробовщик» содержит группу слов с корнем «дом»: «дом», «домик», «домой», «дома», каждое из которых имеет особую «вибрацию смысла». Согласно «Словарю языка Пушкина» в повести «Гробовщик» слово «дом» используется во всех значениях, которые в целом характерны для творчества Пушкина [8. Т. 1. С. 681–683]. Во-первых, в значении «здание, строение»: «Заперев лавку, прибил он к воротам объявление о том, что *дом* продается и отдается внаймы» [3. Т. 6. С. 119]. Во-вторых, дом – «заведение, предприятие, учреждение», так как это не только место для жизни, но одновременно мастерская и лавка. Интересно, что в черновых рукописях лавка гробовщика остается на Басманной: «<...> пара ключ в четвертый раз потащилась с Басманной, где находилась лавка гробовщика, на Никитскую <...>» [9. С. 624].

Третье, последнее, значение для «дома» в «Гробовщике» – «род, династия»: «<...> тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим *домом*» [3. Т. 10. С. 119]. Конечно, «род гробовщиков» звучит довольно комично, если не учитывать, что проблема рода, корней – это наболевшая проблема самого Пушкина, на которую он по-новому посмотрел, будучи в Болдино. Если в «Гробовщике» только угадывается сходство Пушкина и Прохорова, то в стихотворении «Моя родословная» лирический герой максимально приближен к автору, называет себя «просто русским мещанином» [3. Т. 3. С. 208], ставя себя в один ряд с простыми ремесленниками. Сближение собственной жизни с мещанскими буднями гробовщика видится не очередной романтической маской поэта, а скорее новым взглядом на жизнь, который выразился в том числе и в законченности прозаического произведения – повести «Гробовщик» (предшествующие опыты в прозе оставались незавершенными).

В других словах – «дома» и «домой» – доминирует семантика состояния и процессуальности. «Дома», т.е. «у себя в доме», ощущает себя только мертвец, первый клиент гробовщика, Петр Петрович Курилкин, пришедший на мистическую встречу с гробовщиком из своего «вечного дома» (т.е. гроба). Для самого гробовщика устремленность «домой», т.е. «в свой дом», всякий раз оборачивается несчастьем. Первый раз после обиды на пирушке у Шульцев: «Гробовщик пришел *домой* пьян и сердит» [3. Т. 6. С. 124], второй раз перед страшной встречей с мертвецами Адриан «<...> пошел *домой* пешком, отпустив своего извозчика» [3. Т. 6. С. 126]. Это может показаться парадоксальным, но дом для Прохорова – не безопасная территория и средоточие счастья, а наоборот, место, связанное с неприятностями и подавленным эмоциональным состоянием.

Для слова «домик» пушкиноведы не выделяют специального значения, а между тем для Пушкина домик – это особое пространство. В контексте цикла «Повестей Белкина», в котором множество «домов», «жилищ», «горниц», «светлиц», «домик» присутствует только в повестях «Гробовщик» и «Станционный смотритель». Как известно, повесть «Станционный смотритель» была написана на следующий день после «Гробовщика». Главные герои, Адриан Прохоров и Самсон Вырин, схожи характерами и близки генетически: по первоначальной задумке Самсоном должен был именоваться гробовщик. Но одно из существенных отличий между ними – в их «домиках». Для Адриана Прохорова его «желтый домик» оказывается местом счастливого пробуждения, а Самсон Вырин находит в своем «почтовом домике» вечное пристанище.

Само слово «домик» предполагает большую смысловую конкретику, чем «дом». В «Большом академическом словаре русского языка» предлагается два варианта понимания:

- 1) Уменьшительно-ласкательное слово к «дом».
- 2) Карточный домик [10. С. 253].

Семантика «карточного домика», т.е. заведомо непрочной постройки, – это еще одна неявная отсылка к жизни Пушкина. Современники отмечали страсть Пушкина к карточным играм, которая усилилась во время жизненной смуты. На рубеже 1830 г. состояние Пушкина было таково, что он предпочел бы умереть, чем не играть. «Всё может рухнуть, как карточный домик» – так обычно иронически говорят о расчетах, не имеющих под собой прочной основы. Надо полагать, именно такими же шаткими были надежды Пушкина на семейную жизнь.

Концепт «домик» формируется на протяжении всей жизни и творчества Пушкина, начиная с ранней лирики. В стихотворении «Домовому» (1814) образ домика представлен идиллически, отмечен эпитетом «счастливый» и связан с образом доброго домового – хранителя домашнего очага. В славянской мифологии домового считают добродушным существом, «<...> зла людям он вообще не делает, а напротив, старается предупредить о несчастьях и опасностях <...> любит семьи, живущие в полном согласии и рачительно относящиеся к своему добру» [11. С. 125]. Если учесть, что домовый в русской культурной традиции считается первопредком рода, то предположение лирического героя о смерти домового («Домового ли хоронят?») в стихотворении болдинского периода «Бесы» усиливает трагическое мироощущение, чувство бесприютности и тоски.

В стихотворении «Послание к Юдину» (1815) домик – это тот мирный уголок из мира сновидений, где рядом есть «веселый сад» и «старых кленов темный ряд» [3. Т. 1. С. 177], по которому тоскует уставший от Москвы поэт. Схожие мотивы тоски по простой благополучной жизни, далекой от светской суеты, мы находим в стихотворении «Городок» (1815), в котором образ домика снова вписан в счастливое природное пространство, в котором «...добрый твой поэт // Живет благополучно...» [3. Т. 1. С. 100]. Домик – это та обитель, в которой укрывается от внешнего мира лирический герой, а одиноче-

ство осмысливается как желанное благо. Мир «Городка» имеет ряд мотивов и образов, которые повторяются через 15 лет в повести «Гробовщик»: друзья-мертвецы, круговая чаша, призыв друзей и даже образ угрюмого нелюдима, сидящего перед окном. Нет сомнений в том, что лирический герой «Городка» – автобиографический, так как это стихотворение – послание другу детства Пушкина князю Н.И. Трубецкому. Эту деталь, как и родство мотивов, можно считать принципиальной: уединенная жизнь лирического героя, о которой сообщается от первого лица, очень напоминает будни Прохорова.

После «Городка» только в 1830 г. появляется стихотворение «Новоселье», обращенное или к М.П. Погодину, который в апреле 1830 г. переселился в новый дом, или к П.В. Нащокину, часто менявшему съемные квартиры. В любом случае, как и прежде, «домику» сопутствует общий благоприятный контекст: он окружен «свободным трудом и счастливым миром». В поздней пушкинской лирике образ «домика» по-прежнему идеализируется (например, стихотворение «Кто из богов мне возвратил...»), а также вписывается в сферу личных воспоминаний. В основе стихотворения «Вновь я посетил...» (1835) лежат субъективные переживания поэта – смерть няни Арины Родионовны. В поздней лирике происходит смена эпитетов: «светлый», «счастливый» домик становится «опальным», «темным», но по-прежнему желанным для лирического героя.

В прозе Пушкина образ домика появляется впервые в повести «Гробовщик». Правда, еще в 1829 г. в альманахе А. Дельвига «Северные цветы» за подписью «Тит Космократов» была напечатана повесть «Домик на Васильевском острове». Подпись автора — псевдоним Владимира Павловича Титова, знакомого Пушкина. А история об уединенном домике – это обработка устного рассказа самого Пушкина, переданного им в доме у Карамзиных. Все фантастические образы, в том числе, мистический домик, принадлежат Пушкину. Подтверждением этому факту являются воспоминания А.П. Керн о вечере в доме Карамзиных и наличие в бумагах Пушкина плана очень похожей повести. Правда, по пушкинской задумке, действие повести происходило в Москве, а не в Петербурге, у вдовы было две дочери, а не одна. Можно предположить, что этот устный рассказ предваряет повесть «Гробовщик», действие которой происходит в Москве, а в центре сюжета – вдовец с двумя дочерьми. «Уединенный домик на Васильевском острове» относится пушкиноведами к первой повести из цикла так называемых «петербургских повестей» Пушкина, среди которых «Пиковая дама», «Домик в Коломне» и «Медный всадник» (подробнее см.: [12. С. 382–385]). В последних двух повестях образ домика немаловажен. С ним связан мотив разрушения блаженного уголка. Так стихия уничтожает «ветхий домик» вместе с живущей в нем Парашей, а «домик в Коломне» существует только в памяти рассказчика.

В поздней прозе с образом домика происходят почти те же изменения, что и в лирике. Например, в романе «Дубровский» (1833), который считается незаконченным, обращают на себя внимание не только сюжетные параллели с некоторыми «Повестями Белкина» («Барышня-крестьянка», «Метель»), но и формальное сходство при описании ряда событий. Это относится и к образу домика. Сравним:

Роман «Дубровский»: «Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его» [3. Т. 6. С. 242].

Повесть «Гробовщик»: «Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось» [3. Т. 6. С. 119].

В романе «Дубровский» «серенький домик» находится «на периферии» художественного мира и не играет центральной роли, как в «Гробовщике». Устремленность действия к катастрофической развязке – это та новая черта, которая роднит этот роман с поэмой «Медный всадник», где «ветхий домик» стал символом крушения надежд.

В жизнеутверждающей повести «Гробовщик» образ домика предельно полисемантический. Это и «идиллический приют», как в лирике, и «средоточие нечистой силы», как в предшествующем устном рассказе. Вместе с тем это принципиально отличное от дома пространство. В «Гробовщике» «домик» и «дом» – семантически противоположные образы. «Дом» – старый дом гробовщика на Басманной, из которого переезжает Адриан, а «домик» – новый на Никитской. В «домике», а не «доме» живет и Готтлиб Шульц – веселый и приветливый сосед гробовщика. Разных по характеру, семейному положению, национальности, вероисповеданию персонажей роднят именно домики, находящиеся окошками друг напротив друга. Домик Шульцев воплощает идею «домика-идиллии», «домика-мечты». В нем живет счастливая семья, царит культ гостеприимства. Даже вечно угрюмый гробовщик, пребывая в стенах этого домика, становится веселым. Свой же домик гробовщик не воспринимает с такой же радостью, чего не скажешь о его дочерях, которые высматривают женихов, глядя в окна, наряжаются в яркие наряды, чем только раздражают своего отца.

Разведение понятий «дом» и «домик» по двум противоположным семантическим полюсам нельзя назвать случайностью. В черновых редакциях повести «желтый домик» изначально был замыслен как «новый дом», «новое жилище», а Адриан вздыхал не «о бедной лачужке», а «о ветхом домике» [9. С. 624]. В белой рукописи «домик» уже убран Пушкиным из негативного контекста. Домик – это не просто «маленький дом». Старый дом гробовщика именуется «лачужкой», т.е. плохоньким домом, но все же это не домик. Домик в «Гробовщике» не может быть «плохоньким». Как в предшествующей лирике, этот образ связан с осуществлением давней мечты. Сомнения гробовщика, его удивление в отсутствии радости после покупки нового жилища зиждется на двоемлении номинации «домик» – «дом». Выбор Прохорова между «домом» и «домиком» – это поиск способа существования, определение личной философии жизни.

В человеческом сознании слово «домик» связывается чаще всего со словами «уютный» и «крошечный» [13. С. 74]. Семантика уюта в контексте сюжета повести «Гробовщик» очень важна. Как замечает Юрий Степанов, «<...> понятие уюта для нас, как и для Пушкина, всегда ассоциируется со «своим», только тебе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным, отграниченным от внешнего мира» [10. С. 806–807]. Мы видим стремление гробовщика к уюту, благоустройству в новом жилье. Правда, уют

у Прохорова своеобразный: в гостиной домика расположены пустые гробы, а все «человеческие» предметы быта (кивот с образами, столы, шкаф) находятся в задних комнатах. Согласно народным поверьям, «покойницкие предметы», расположенные в пространстве дома, могут навести болезни и несчастья на хозяина дома. Так что совсем неудивительно, что, находясь дома, Адриан испытывает гнетущую тоску.

Семантика «крошечности», претензия домика на малое пространство, органично связанная с категорией уюта, в рамках текста повести получает воплощение в словах с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Гробовщик вздыхает о «старой лачужке», смотрит в «окошко», пьет из «чашки», журит «дочек», посещает «квартирку» Шульцев, слышит о немецких «городках», наконец, знакомится с «Юркой». Мир гробовщика уменьшенный или, можно сказать, кукольный. К тому, что выходит за пределы этого «игрового» мира, Адриан относится враждебно. Противопоставляются не только «дом» и «домик», но и «окно» и «окошко» как пограничные области, определяющие характер связи домочадцев с внешним миром. Если пребывание гробовщика «у окошка» связано с каким-то действием, то, когда гробовщик сидит «под окном», он подавлен, «погружен в печальные размышления». Дочери, «глазеющие в окно», тоже находятся без дела. «Окно» как атрибут «дома» как будто, останавливает всю жизнь внутри него. Можно сказать, что образ «дома» в повести «Гробовщик» семантически приравнен к образу «гроба».

Вся похоронная атрибутика, описываемая без уменьшительных суффиксов, вписывается во враждебное пространство «дома». Адриан обеспечивает «вечными домами» умерших, но и сам уже уподобился духовному мертвецу, живущему в «доме-гробе» и ищущему контакта с миром мертвых друзей. Новый домик гробовщик сам превращает в гроб, расставляя пустые гробы в гостиной, которые, если верить народным поверьям, притягивают мертвцов. И действительно, сначала гробовщик находится в символическом контакте с запредельным миром, а потом, во сне, этот мир оживает и становится его персональной реальностью, которая оказывается страшной и враждебной.

По нашему мнению, в «Гробовщике» отчасти срабатывает «нащокинский сюжет». П.В. Нащокин – близкий друг Пушкина, многолетняя переписка с которым свидетельствует об их сильной привязанности друг к другу. Как и Пушкин, Павел Воинович тяжело переживал потерю близких людей, всю жизнь прожил в съемных квартирах и был отчаянным игроком в карты. «Маленьким домиком» П.В. Нащокин называл миниатюру своего жилища – дорогостоящую игрушку, создаваемую лучшими мастерами на протяжении нескольких лет, в которой каждый предмет, от стула до чернильницы, был по-настоящему функционален (подробнее см.: [14]). Пушкин тоже принимал живое участие в обстановке этого кукольного домика, был свидетелем шуточных пиров, которые проводил П.В. Нащокин. В мае 1836 г. Пушкин писал жене: «Домик Нащокина доведен до совершенства – недостает только живых человечков» [3. Т. 10. С. 576]. Разноцветные домики «Гробовщика» похожи на кукольные домики, в них живут «маленькие человечки» – никому не известные маленькие люди. В этих домиках устраиваются пиры жизни и смерти (пирушка ремесленников у Шульцев, пир с мертвецами у гробовщика), вершится судьба маленького человека (гробовщика). Между тем жизнь «чело-

вечка из домика» оказывается всего лишь игрой. В этом экзистенциальном контексте образ гробовщика обретает особый смысл.

Уже в самом начале повести Пушкин вводит своего героя в литературную традицию, связанную с изображением «гробокопателей» Шекспира и Вальтера Скотта, которые их «представили <...> людьми веселыми и шутливыми» [3. Т. 6. С. 120]. «Из уважения к истине, – замечает автор «Повестей Белкина», – мы не можем следовать их примеру и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу. Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив» [Там же]. Между гробокопателями-могильщиками и гробовщиком, который, по словам пушкинского героя, не «брат палачу» и не «гаер святочный», возникает принципиальное различие. Он свое ремесло считает «честным» и защищает его. Проблемы жизни и смерти органично входят в сферу его рефлексии. На протяжении небольшой повести автор постоянно акцентирует его «задумчивость» и склонность к размышлению и рассуждению: «Адриан <...> по своему обыкновению был погружен в печальные размышления», «Сии размышления были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами в дверь», «рассуждал он вслух» [3. Т. 6. С. 120, 121, 124]. Как справедливо замечает Н.Н. Петрунина, «в «Гробовщике» Пушкин заставляет самого героя, в формах, доступных его сознанию, дойти до высших проблем земного бытия. Адриан предстает перед нелицеприятным судом собственной совести: и труженическая его жизнь, и место его в мире живых людей являются ему в новом свете» [15. С. 136–137]. Пробуждение героя в конце повести, солнце, которое «давно уже освещало постелю, на которой лежал гробовщик», его новое состояние: «обрадованный гробовщик» – за всем этим открывается выход из царства смерти в мир жизни.

Семиосфера пушкинского концепта «домик» именно в «Гробовщике» обретает философский характер. Его полисемантика определяется субстанциональными проблемами бытия, связанными с мотивами жизни и смерти, яви и сна, самостояния, поэзии и прозы. В большом контексте Болдинской осени и «Повестей Белкина» это произведение наполняется миромоделирующими смыслами. «Пережитое во сне потрясение открывает Адриану, что живому место среди живых» [15. С. 100], – замечает Н.Н. Петрунина. Подхватывая эту мысль, С.Г. Бочаров смысл повести видит за физическим пробуждением героя его духовное пробуждение: «Повесть не разрешается в ничто: что-то неявно произошло в жизни ее героя...» [16. С. 68]. Не лишено оснований суждение Вольфа Шмида: «Ужасом и смертельным страхом Адриан оплатил свой долг, долг перед жизнью» [17. С. 293]. Домик на Никитской становится для него не просто новым жильем, но и обретением нового взгляда на жизнь. А новоселье – актом самосознания.

2

Пушкинские «Повести Белкина» появились в атмосфере рождения новой русской прозы, размышлений о повести как «форме времени», споров о ее герое, сюжете, философском потенциале. Их второе издание в 1834 г. в составе сборника «Повести, изданные Александром Пушкиным» (как известно,

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.» увидели свет в 1831 г.) уже не скрывало авторство. Сборник включал главы из «Арапа Петра Великого» и «Пиковую даму». Пушкин словно демонстрировал свои возможности как прозаика, выявляя историософский потенциал своей прозы.

Любопытным рефлексом на пушкинские поиски стала появившаяся в «Библиотеке для чтения» (1834. Т. 10. С. 134–150) «Потерянная для света повесть» О.И. Сенковского, редактора журнала, скрывшегося под именем А. Белкина. Затем под этим же псевдонимом на страницах журнала будут опубликованы еще две повести: «Турецкая цыганка» (1835. Т. 12.) и «Джулио» (1836. Т. 18; в соавторстве с А. Тимофеевым). О пародийном подтексте этих публикаций уже неоднократно говорилось в пушкиноведении (Н.Я. Берковский, С.Г. Бочаров, Н.И. Михайлова). Как замечает Н.И. Михайлова, «Сенковский пародирует и пушкинский принцип развертывания сюжета, и незначительность материала, который лег в основу его прозы» [18. С. 145]. Исследователь убедительно доказывает, что «объектом пародии Сенковского явился не только Пушкин. < > Сенковский пародирует не столько Пушкина, сколько М.П. Погодина...» [Там же. С. 145–146]. Показательно, что сам Пушкин почувствовал эту установку автора «Потерянной для света повести». В письме к Погодину от начала мая 1834 г. он писал: «Милостивый государь Михайло Петрович. Сейчас получил я последнюю книжку “Библиотеки для чтения” и увидел там какую-то повесть с подписью *Белкин* – и встретил Ваше имя¹. Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю» [3. 10. С. 531].

Есть основания предполагать, что Погодин отреагировал на выпады «барона Брамбеуса» (псевдоним Сенковского) в свой адрес и выступил в защиту И.П. Белкина. В журнале «Телескоп» (1834. Ч. 19. С. 53–64) под криптонимом Z появляется повесть «Домик на Никитской», содержание которой тесно связано с пушкинской повестью «Гробовщик».

В пользу авторства М.П. Погодина говорят следующие факты: его участие в издании журнала «Телескоп», криптоним Z, которым он подписывал свои публикации в журнале «Московский вестник» в 1828 г. [20. Кн. 1. С. 240; 19. С. 343], его проживание на Большой Никитской улице, куда он переехал в апреле 1830 г.

«Сизый домик» на Никитской становится в повести Погодина своеобразным репрезентантом философии «домика гробовщика». Вывеска на доме: «Здесь живет гробовщик. ГРОБЫ делаютца и обшиваются разными материями» [21. С. 56] (графика и орфография автора) перекликается с вывеской на доме Адриана Прохорова: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починяются старые» [3. Т. 6. С. 120]. Фиксируя эту связь двух домиков, автор повести замечает: «Он [домик на Никитской] имел уже счастье одною своей вывеской привлечь зоркий глаз одного из наших славных поэтов...» [21. С. 54].

Новая жизнь домика гробовщика, на котором появляется еще вывеска похвальной бабки, способствует философизации содержания. Отталкиваясь от

¹ Ср.: «Максим Козмич учился в семинарии и сверх того читал повесть М.П. Погодина о Московском извозчике...» (Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. С. 148).

тезиса о том, что «век наш есть век мысли» [21. С. 55], автор повести «Домик на Никитской» делает своими союзниками «немецкого ученого», Шекспира, Байрона, Юнга, а «основную мысль всего человечества, первую мысль каждого из нас; вопрос всех веков, всех народов, всех философий» определяет как «вопрос о жизни и смерти» [Там же]. Погодин выявляет связь этого вопроса с простыми материями жизни. Домик гробовщика становится для него символом человеческого бытия. Не случайно в конце своего произведения автор предлагает «смотреть на философский сизый домик, перечитывать его вывески, думать о них, думать, как Гамлет, о жизни и смерти...» И делает вывод: «Это наведет вас невольно на важные и полезные размышления...» (21. С. 64). Так последовательно происходит своеобразная реабилитация гробовщика как носителя вечных вопросов жизни. Идя по следам пушкинского Адрияна Прохорова (здесь и мотив пира, и состояние пробуждения, и размышлений о ремесле гробовщика), Погодин доказывает не просто жизненность демократического героя, «маленького человека», но и связь его мироощущения с идеями времени.

«Домик на Никитской» вряд ли можно назвать повестью в полном смысле. Отсутствие сюжета, полнокровных характеров, приоритет рефлексии над действием скорее позволяют определить это произведение как своеобразный философский очерк или аполог. В пользу этого обозначения свидетельствует и заключительная часть текста, пронизанная духом полемики и пародии. Объектом пародии становится новейшая словесность, воплощением которой является Гюго, «первый палач Парижской Мельпомены», а адресатом полемики выступает известный Барон, «причудливый Барон», воплощающий суть «известной пословицы»: «у всякого Барона своя фантазия» (21. С. 62). Нет никаких сомнений, что речь идет о Бароне Брамбеусе, редакторе журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковском, авторе «Потерянной для света повести», пародирующей мир «Повестей Белкина» и произведений Погодина.

Реконструируя сюжет своего аполога в духе «всех фантазирующих Баронов», Погодин создает апокалиптическую картину: «Среди бесконечных миллионов могил и крестов, теряющихся в отдалении, на трупах всего человечества стоит сизый деревянный домик, об одном этаже, с маленьким мезонином, о семи рамах, что на Большой Никитской» [21. С. 63]. Эта «ужасная трагедия», воссозданная как пародия на неистовую словесность и фантазии Барона, позволяет автору «Домика на Никитской» еще раз подчеркнуть гуманистическую основу пушкинской повести, в центре которой жизнь и судьба маленького человека и философия домика как репрезентанта внутреннего покоя и свободы человеческой личности.

Само понятие новоселья, неоднократно возникающее в тексте пушкинской повести, выявляет ее философско-символический подтекст. В этом смысле стихотворение Пушкина «Новоселье», напечатанное в альманахе «Сиротка» на 1831 г., воспринимается как своеобразный постскрипtum к повести. Напомним его текст:

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес – а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
 Обычай мудрости храня,
 От злых забот и лени вялой
 Застраховал, как от огня [3. Т. 3. С. 172].

По одной из версий комментаторов, это стихотворение обращено к М.П. Погодину [Там же. С. 508]. Возможно, оно было пушкинским подарком на новоселье Погодина. 20 апреля 1830 г. поэт посетил его новый дом на Никитской и оставил следующую записку: «Пушкин приходил поздравить Вас с новосельем» [3. Т. 10. С. 283]. Не исключено, что «Домик на Никитской» стал продолжением этих мыслей поэта и выявил философский подтекст пушкинского концепта домика, с такой художественной отчетливостью обозначенный в одной из «Повестей Белкина». Своеобразным постскриптумом к пушкинской повести стал проект «Тройчатки» Одоевского и Гоголя, куда они хотели привлечь и Пушкина-Белкина, в центре которой была концепция домостроительства [22. С. 12–16], а также нереализованный до конца замысел «Записок гробовщика» Одоевского, в центре которых был образ философствующего героя (подробнее см.: [23. С. 135–148]).

И в этом контексте повесть «Гробовщик» обрела для ее автора жизнетворческий смысл, а концепт домика – философский подтекст. Возвращаясь к началу статьи, к словам Семена Франка об особом значении в пушкинском религиозном сознании «идеи “пенатов”», культа домашнего очага, семьи, домашнего уединения, как основ духовной жизни» [1. С. 435], можно констатировать: болдинская повесть «Гробовщик» и ее миромоделирующий концепт домика – важное звено в этом процессе.

Литература

1. Франк Семен. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 380–396.
2. Батюшков К.Н. Сочинения: в 2 т. М., 1989.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1962–1965.
4. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 377–381.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2004. 703 с.
6. Левина Ю.И. О рисунках Пушкина на рукописи «Гробовщика» (атрибуция одного портрета) // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 153–158.
7. Мартынов А.А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 2012. 232 с.
8. Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956. Т. 1: А–Ж. 806 с.
9. Пушкин А.С. Гробовщик: Варианты автографа // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. М., 1999. Т. 8. Кн. 2. С. 624–638.
10. Большой академический словарь русского языка. СПб., 2006. Т. 5: «Деньга – Жюри». 694 с.
11. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2: Д–К (Крошки). 697 с.
12. Кардаш Е.В. Повесть В.П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» // Пушкин и его современники: сб. науч. тр. Вып. 5 (44). [СПб.]: Нестор–История, 2009. С. 373–390.
13. Беловинский Л.В. Российский историко-бытовой словарь. М., 1999. 528 с.
14. Нацокинский домик. La petite maison de Nachtchokine / автор-сост. Г. Назарова. Л., [1970]. 40 с. с илл.
15. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Л., 1987. 331 с.

16. Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 35–68.
17. Шмид Вольф. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996. 371 с.
18. Михайлова Н.И. Болдинские повести Пушкина и пародии Сенковского // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 144–152.
19. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.
20. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. М., 1958. 415 с.
21. Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. Ч. 19. М., 1834. С. 53–64.
22. Генина Н.Е. Феномен «Тройчатки» в русской литературе 1830-х годов: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 30 с.
23. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Ч. 2.

PHILOSOPHICAL IMPLICATIONS OF THE LITTLE HOUSE CONCEPT IN A.S. PUSHKIN'S *THE UNDERTAKER*.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 4(36), pp. 87–100. DOI 10.17223/19986645/36/7
Berseneva Viktoriya A., Yanushkevich Alexander S., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vikaberseneva@gmail.ru / asyanush50@yandex.ru

Keywords: A.S. Pushkin's *The Undertaker*, little house concept, philosophical implications of the concept, controversy surrounding the story and its reflection in *A Little House in Nikitskaya* by M.P. Pogodin.

The article describes A.S. Pushkin's *The Undertaker*, written in the Boldino autumn of 1830 and included in the series *Tales of Belkin*. The authors of the article turn to the creative history of the story, analyze its content and the image of the central character, consider the problem of the story reception and come to a conclusion that the little house concept is of special significance for the study of *The Undertaker* as a life-creating and world modeling component of its semiosphere. The representative meaning of this concept is inextricably linked with the history of its functioning in the creative mind of the poet. The symbolic spaces of “my Penates”, the house and the little house have a special place and meaning in the *Dictionary of Pushkin's Language* and show the evolution of these word-concepts on the way to the concept of the little house, which in the early 1830s finds a special role in the spiritual life of Pushkin. The development of this concept in the lyrics (poems “Domovoy”, “Gorodok”, “Poslanie k Yudinu”, “Novosel'e”, “Vnov' ya posetil...”) is inextricably linked with the problems of the spiritual life of the poet, the formation of his philosophy of independence. Entering the world of poetic novels (*The Little House in Kolonna*, *The Bronze Horseman*) and prose (*Tales of Belkin*, *Dubrovsky*) intensifies the interest in the substantial problems of existence, life and death. The world of Russian province, matters of daily life, the image of the little man reveal philosophical implications of the little house concept. In this respect, *The Undertaker*, in the context of Pushkin's Boldino works, becomes a representative of this process. The history of the awakening of Pushkin's hero to life and finding a new little house spreads the spiritual space of Pushkin's prose.

The controversy surrounding the story clearly indicates the philosophical potential of Pushkin's little house concept and of *The Undertaker*. *Tales of Belkin* appeared during the formation of the new Russian prose, thoughts about the genre of the novel as a “form of time”. The *Tales* revealed the historical-philosophical potential of Pushkin's prose. Simple matters of provincial life acquired existential character, and the image of the little man enters the process of national self-identification. A kind of response to Pushkin's search was O.I. Senkovsky's *Tale Lost for the Society*, signed by the name of A. Belkin. Its parodic sense is obvious, it was later developed in other works by the same author (*A Turkish Gypsy*, *Julio*), also signed by the pseudonym. The editor of *Library for Reading* parodies the low content of *Tales of Belkin* and tries to show the lack of character in their heroes.

The paper first analyzes the story *A Little House in Nikitskaya* which appeared in the journal *Telescope* signed by a cryptonym Z and, as the authors argue, was written by M.P. Pogodin. Its content is not only associated with Pushkin's *The Undertaker*, but also reveals the philosophical subtext of the little house concept and existential meaning of the hero, undertaker Adrian Prokhorov.

References

1. Frank, S. (1990) Religioznost' Pushkina [Religious Pushkin]. In: Gal'tseva, R.A. *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike* [Pushkin in Russian philosophical criticism]. Moscow: Kniga.
2. Batyushkov, K.N. (1989) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Pushkin, A.S. (1962–1965) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 10 v. Moscow: USSR AS.
4. Lotman, Yu.M. (1992) Kukly v sisteme kul'tury [Dolls in culture]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. V. 1. Tallinn: Aleksandra.
5. Lotman, Yu.M. (2004) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo.
6. Levina, Yu.I. (1977) O risunkakh Pushkina na rukopisi "Grobvshchika" (atributsiya odnogo portreta) [On Pushkin's drawings in the manuscript "The Undertaker" (the attribution of a portrait)]. In: *Boldinskie chteniya* [Boldino readings]. Gorkiy: Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo.
7. Martynov, A.A. (2012) *Nazvaniya moskovskikh ulits i pereulkov s istoricheskimi ob'yasneniyami* [The names of Moscow streets and alleys with historical explanations]. Moscow: Librokom.
8. Vinogradov, V.V. (ed.) (1956) *Slovar' yazyka Pushkina* [Dictionary of Pushkin's Language]. V. 1. Moscow: GIS.
9. Pushkin, A.S. (1999) Grobovshchik. Varianty avtografa [The Undertaker. Options of the autograph]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. V. 8. Book 2. Moscow: Voskresen'ye.
10. Gorbarevich, K.S. (2006) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian language]. V. 5. St. Petersburg: Nauka.
11. Tolstoy, N.I. (1999) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. V. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
12. Kardash, E.V. (2009) Povest' V.P. Titova "Uedinenny domik na Vasil'evskom" [V.P. Titov's "Secluded house on Vasilevsky"]. In: Larionova, E.O. & Murav'eva, O.S. (eds.) *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Is. 5 (44). St. Petersburg: Nestor–Istoriya.
13. Belovinskiy, L.V. (1999) *Rossiyskiy istoriko-bytovoy slovar'* [Russian historical and everyday life dictionary]. Moscow: Studiya "Trite" – "Rossiyskiy arkhiv".
14. Nazarova, G. (1970) *La petite maison de Nachtchokine*. Leningrad: Avrora.
15. Petrunina, N.N. (1987) *Proza Pushkina* [Pushkin's prose]. Leningrad: Nauka.
16. Bocharov, S.G. (1985) O smysle "Grobvshchika" [On the Meaning of "The Undertaker"]. In: Bocharov, S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [On the artistic worlds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
17. Schmid, W. (1996) *Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii: "Povesti Belkina"* [Pushkin's prose in poetic interpretation. Tales of Belkin]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
18. Mikhaylova, N.I. (1977) Boldinskie povesti Pushkina i parodii Senkovskogo [Pushkin's Boldino stories and parodies by Senkovsky]. In: *Boldinskie chteniya* [Boldino readings]. Gorkiy: Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo.
19. Barsukov, N.P. (1888–1910) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [Life and works of M.P. Pogodin]. Books 1–22. St. Petersburg: Pogodin i Stasyulevich.
20. Masanov, I.F. (1958) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenyykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. V. 3. Moscow: VKP.
21. *Teleskop* (1834). 19. pp. 53–64.
22. Genina, N.E. (2010) *Fenomen "Troychatki" v russkoy literature 1830-kh godov: A.S. Pushkin, N.V. Gogol', V.F. Odoevskiy* [The phenomenon of "Triad" in Russian literature of the 1830s: A.S. Pushkin, N.V. Gogol, V.F. Odoevsky]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
23. Sakulin, P.N. (1913) *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V.F. Odoevskiy. Myslitel'. – Pisatel'* [From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoevski. The Thinker. The Writer]. Pt. 2. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.